

Мас. 10504

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДРИЩНИКИ.

Черный Монах. Рассказ А. П. Чехова.
Архивиста, январь.

I.

Мне опять приходится говорить о г. Чехове. Он написал новый рассказ, озаглавленный *Черный Монах* и по многим отношениям интересный. Рассказ на половину фантастический. В этом роде, если не ошибаюсь, г. Чехов пробует себя в первый раз и, к сожалению, неудачно. В повести изображен галлюцинант, психически разстроенный человек, магистр Андрей Васильевич Коврин. Против такого приема, против фантастической оторванности, вообще ничего нельзя сказать: иногда такой прием совершенно уместен, иногда, именно в болезненном бреду, неже и полнее выражается сущность человека, нежели в здоровом состоянии. Такой случай мы находим у Достоевского, именно: в тех главах, где изображен болезненный бред и галлюцинации Ивана Карамазова, с полною ясностью обнаруживается сущность его натуры. Но не так в рассказе г. Чехова. Мне кажется что лицо им выведенное ясное обнаружилось бы в нормальном состоянии, нежели в болезненном бреду. Однако, не станем забегать вперед.

Дело в том что Андрей Васильевич Коврин, магистр, утончил и разстроил себя нервы. Вследствие этого он идет в деревню к своим старым друзьям, Песоцким. Старик Песоцкий, известный садовод, его бывший опекун и воспитатель. У этого Песоцкого есть дочь Таня, с которым Коврин дружен с самого детства. Таня образцом, утомленный Коврин попадает в среду приятных ему людей и в здоровую обстановку. Но вот тут-то с ним случается галлюцинация. Совершенно неожиданно он вспоминает одну легенду которую где-то слышал или

читал, и эта легенда овладевает его мыслями и не дает ему покоя.

«Меня сегодня с самого утра занимает одна легенда», размышляет он Таня.— Не помню, читал ли я ее откуда, или слышал, но легенда казалась страшная, и с тех пор не сообразная... Начать с того что она не отличается ясностью. Умечу идти тому назад какой-то монах, одетый в черное, шел по пустыне, где-то в Сирии, или Аравии... За сколько миль от того места, где он шел, рыбаки видели другого черного монаха, который медленно двигался по поверхности озера. Этот второй монах был иррационален. Теперь забудьте все законы оптики, которых легенда, кажется, не признает, и слушайте дальше. Он иррационален получился другой иррационален, потому что от другого третий, так что образ черного монаха стал без лица передаваться из одного слоя атмосферы в другой... Его видели то в Аерии, то в Иерусалиме, то в Индии, то на дальнем Севере. Наконец, он вышел из пределов земной атмосферы и теперь блуждает по всей вселенной, все никак не попадая в те условия, при которых он мог бы померкнуть. Быть может, его видят теперь где-нибудь на Марсе или на какой-нибудь звезде Южного Креста. Но, милая моя, самая суть, самый гвоздь легенды заключается в том что ровно через тысячу лет после того, как монах шел по пустыне, иррационален опять попадет в земную атмосферу и покажется людям. И будто бы эта тысяча лет уже на исходе... По смыслу легенды, черного монаха мы должны ждать не сегодня—завтра.»

Погруженный в мысли о черном монахе Коврин додумался до того что этот монах ему действительно явился. Он не только явился, но и заговорил с ним. Он объяснил ему что он, Коврин, «не такой как все люди», что он не просто магистр, который, после долгого зубрежки, составил компиляцию и получил кафедру, а исключительная натура, избранный, в некотором роде совершенный образец человечества. Когда монах исчез, Коврин сказал: «Галлюцинация кончилась! А жалко.» Но несмотря на сознание что это была галлюцинация—

„Онъ пошелъ навадь изъ дому веселый и счастливый. То немногое, что сказалъ ему черный монахъ, льстило не самолюбію, а всей душѣ, всему существу его. Быть избранникомъ, служить вѣчной правдѣ, стоять въ ряду тѣхъ которые на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше сдѣлаютъ человечество достойнымъ царствія Божія; то-есть избавить людей отъ нѣсколькихъ лишнихъ тысячъ лѣтъ борьбы, грѣха и страданій, отдать идеѣ все—молодость, силы, здоровье, быть готовымъ умереть для общаго блага—какой высшей, какой счастливый удѣлъ! У него пронеслось въ памяти его прошлое, чистое, плѣломудренное, полное труда, онъ вспоминалъ то, чему учился и чему самъ училъ другихъ, и рѣшилъ что въ словахъ монаха не было преувеличенія.“

Такъ ему кажется, но не такъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности—онъ довольно ограниченный человекъ, усидчивый и трудолюбивый и шелъ онъ самымъ обыкновеннымъ, такъ-сказать, казеннымъ путемъ. Окончивъ курсъ, былъ оставленъ при университетѣ, добилъ кавалера, плохо понимая смыслъ того великаго что онъ долженъ былъ прочитать „по программѣ“, компилировалъ, представлялъ „работы“, своевременно получалъ ученые степени, словомъ, все было точно такъ, какъ въ любомъ изъ департаментовъ. Онъ, какъ и всякій чиновникъ, тянулъ служебную лямку; его сбивало только то обстоятельство что эту лямку онъ тянулъ по „ученой части“: онъ занимался философией и читалъ психологію. По этому, своимъ „докладамъ“, которымъ средняго сорта чиновники другихъ ведомствъ не придаютъ никакого значенія кромѣ „докладовъ“, онъ придавалъ значеніе „научнымъ работъ“. И лишь на порогѣ смерти онъ началъ смотреть здраво на свою „ученую карьеру“.

„Онъ думалъ о томъ, какъ много беретъ жизнь за тѣ ничтожныя, или весьма обыкновенныя блага, какія она можетъ дать человѣку“, читаемъ мы въ концѣ разказа, гдѣ описываются предсмертные дни и часы Коврина. „Напримѣръ, чтобы получить подъ сорокъ лѣтъ каведру, быть обыкновеннымъ профессоромъ, нѣлагать вылымъ, скучнымъ, тяжелымъ языкомъ обыкновенныя и притомъ чужія мысли,

однимъ словомъ, для того чтобы достигнуть положенія посредственнаго ученаго, ему, Коврину, нужно было учиться пятнадцать лѣтъ, работать дни и ночи, перенести тяжелую психическую болѣзнь, гнѣдиться, пережить неудачный бракъ и продолжать много всякихъ глупостей и несправедливостей, о которыхъ пріятно было бы не помнить. Ковринъ теперь ясно соображалъ что онъ посредственность, и охотно мирился съ этимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, каждый человекъ долженъ быть доволенъ тѣмъ что онъ есть.“

Ковринъ не ошибается. Даже неудачный бракъ его есть дѣйствительно одно изъ послѣдствій того что онъ пошелъ „по ученой части“. Когда онъ попалъ изъ простыхъ и недалекихъ людей, къ Танѣ и ее отцу, эти недалекіе люди, привыкшіе обо всемъ, выходящемъ изъ круга ихъ пониманія, судить по армянскѣ, тотчасъ же окружили Коврина атмосферой поклоненія и благоговѣнія, которое относилось собственно не къ нему, а къ его армянскому магистру и профессору. Разсмотрѣвъ подъ этимъ армянкомъ самаго зауряднаго человека съ ущемленнымъ самолюбіемъ они не могли. Старикъ Песопій, говоря объ умѣ Коврина, прибавляетъ, видя въ этомъ неострашимый аргументъ: „Да и то сказать, не даромъ онъ магистръ, не даромъ!“—полагая что за „магистромъ“ долженъ непременно скрываться выдающійся умъ. И вѣдь бѣдный старикъ теоретически правъ: оно бы такъ и должно быть, да не такъ бываетъ,—на этомъ-то онъ и ловится. Таня до того увѣрена въ величіи Коврина что, когда онъ начинаетъ за ней ухаживать, она даже конфузится что такой необыкновенный человекъ—магистръ—заинтересовался ею. И вотъ, опиненный этою атмосферой поклоненія, Ковринъ женится на Танѣ, женится единственно потому что ей благоговѣніе предъ нимъ льститъ ему. Конечно, изъ такого брака ничего, кромѣ несчастія, выйти не могло, и уже черезъ два года Таня, брошенная имъ для другой женщины, пишетъ ему: „Я приняла тебя за необыкновеннаго человека, за гения, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшимъ.“ И вѣдь эта дѣвица, склонная къ преувеличеніямъ, тоже преувеличиваетъ: онъ оказался не сумасшедшимъ, а только маленькимъ человекомъ съ ущемленнымъ самолюбіемъ.

Белый Князь Сергей Александрович

т. 1, № 1, 1 апреля очередное за-

II.

Ковриня полчили и выгнали отъ его галлюцинацій: черныи монахи перестали ему являться. Но этии то онъ и недоволенъ. Онъ упрекаетъ жену за то, что она его гонитъ.

«Какъ счастливы Будда и Магометъ, или Шекспиръ что добрые родственники и доктора не гонятъ ихъ отъ восторга и вдохновения!» говорить онъ жене. — «Если бы Магометъ принималъ отъ нервовъ бромистый калий, работалъ только два часа въ сутки и пилъ молоко, то послѣ этого замѣчательнаго человѣка осталось бы такъ же мало, какъ послѣ его собачки. Доктора и добрые родственники въ концѣ-концовъ сдѣлаютъ то что человечество отупѣетъ, посредственность будетъ считаться гениемъ и цивилизация погибнетъ. Если бы вы знали — сказалъ Ковринъ съ досадою, — какъ я вамъ благодаренъ.»

Такимъ образомъ и въ нормальномъ состояніи Ковринъ продолжаетъ считать себя Буддой или Шекспиромъ, но только погубленнымъ молочнымъ гениемъ. Съ этимъ онъ и остается. Лишь предъ смертью, какъ мы видимъ, мельнула прежняя истина, онъ правильно отнесся къ себѣ, — но это мгновеніе такъ и осталось только мгновеніемъ. Оно прошло — и онъ снова, уже до послѣдней минуты, въ глубинѣ души считаетъ себя гениемъ.

Разказъ г. Чехова имѣлъ бы очень большое значеніе если бы онъ писалъ дѣло немного иначе. Какъ и сказалъ выше, фантастическая часть разказа ему не удалась. Фантастическое — дѣло очень трудное. Тутъ все въ настроеніи. Чтобы выразить фантастическое, нужна, кромѣ дарованія, глубокая въра въ таинственныя силы жизни, въ то нездѣшное что иногда проявляетъ себя въ мірѣ, въ тѣ таинственныя міры, которые иногда какъ бы сопрягаются со здѣшнимъ, земнымъ міромъ, бросаютъ на него свою загадочную тѣнь. Только одухотворенный этою върой, гений Шекспира могъ представить и насъ повѣрить въ привидѣніе являющееся въ *Гамлетѣ*. Фантастическое у Гоэмана, фантастическое у Эдгарда По производитъ на насъ неотразимое впечатлѣніе именно потому что сами они, и Гоэманъ и По, были насильно проникнуты върой въ это фантастическое,

и она-то, эта въра, свѣтится въ нихъ произведеніями мистическимъ и загадочнымъ свѣтомъ. Скажутъ: у г. Чехова описана только галлюцинація. Но вѣдь и въ галлюцинаціи есть что-то таинственное и неразгаданное. Словомъ, нельзя отдѣлываться отъ факта. И описывая галлюцинацію надо проникнуться настроеніемъ галлюцинанта — и тогда только это будетъ производить неотразимое впечатлѣніе. Такъ описана галлюцинація Ивана Карамазова у Достоевскаго. Вы выйдете съ Иваномъ Карамазовымъ чувствуете что реальныи міръ какъ бы раздвинулъ свои рамы, что приподнялась какая-то завѣса, отдѣляющая здѣшнее отъ нездѣшняго, что въ этомъ близзенномъ бреду есть что-то таинственное, что не все въ немъ — дѣйствіе горячки и головной боли. Въ описаніи галлюцинаціи, сдѣланной г. Чеховымъ, нѣтъ именно этого настроенія, и потому оно не производитъ впечатлѣнія.

Кромѣ того, у Достоевскаго галлюцинація Ивана Карамазова необходима. Она является необходимымъ заключительнымъ аккордомъ всего хода событій, въ ней, и никакъ иначе, — только въ ней могло разрешиться страшное и трагическое состояніе Ивана. То таинственное и злое, что повѣяло уже въ его свидѣніяхъ со Смердяковымъ нашло себѣ разрѣшеніе здѣсь, въ этой галлюцинаціи. Въ разказѣ г. Чехова въ галлюцинаціи нѣтъ никакой необходимости. Могло случиться и такъ что маленький человѣкъ съ ущемленнымъ самолюбіемъ дошелъ до бреда и галлюцинаціи, но могло быть и не такъ. Но безъ бреда, безъ болѣзни, безъ галлюцинаціи маленький человѣкъ съ ущемленнымъ самолюбіемъ — этотъ характернѣйшій человѣкъ нашего времени — могъ выразиться гораздо яснѣе. Вѣдь Ковринъ г. Чехова — это тотъ же Поприщинъ, только Поприщинъ пропитанный духомъ современности. Ущемленное самолюбіе Гоголевскаго Поприщина для своего удовлетворенія требуетъ меньшаго чѣмъ ущемленное самолюбіе Поприщина современнаго. Гоголевскій Поприщинъ спрашиваетъ себя: «Отчего я титулярный совѣтникъ и съ какой стати я титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть я какой вибуда графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ. Можетъ-быть я самъ не знаю кто я таковъ.» Современный Поприщинъ

Ковринъ — это и Саша Карамазовъ — кривое уродство в рю, 20 апр. 1904.

Т. 1, № 1, 1 апреля
было сдѣлано
не такъ далеко

Около трех часов дня онъ шелъ по двору въ свою квартиру и встрѣтился

береть шире. Онъ уже спрашиваетъ себя: „Отчего я магистръ и съ какой стати я магистръ? Можетъ быть я какой-нибудь Будда или Шекспиръ, а только такъ кажусь магистромъ. Можетъ-быть я самъ не знаю кто я таковъ?“ Такъ поставлено дѣло у современнаго Поприщина.

Гоголевскій Поприщину не могъ найти иного выхода кромѣ суманствія. Никто не могъ и не хотѣлъ его признать графомъ и генераломъ, ибо эти понятія черезчуръ реальныя, и ему оставалось одно — объявить себя Фердинандомъ VIII. Современный Поприщину въ лучшемъ положеніи. Графъ и генералъ — дѣло очевидное, такъ что даже недалекая Тани, при всемъ желаніи, не могла бы признать его графомъ и генераломъ, а „необыкновенный человѣкъ“, „гений“ — дѣло неясное, и всегда найдутся Тани, готовые признать современнаго Поприщина за „генія“ и „необыкновеннаго человѣка“, какимъ признала Тани въ разказѣ г. Чехова своего „магистра“. Вотъ уже какой большой шансъ имѣть современнаго Поприщина. Но, кромѣ того, найдутся другіе Поприщины, такіе же магистры, готовые признать своего собрата Поприщина „геніемъ“ и „необыкновеннымъ человѣкомъ“, а его компіляціи „высоко цѣнными научными работами“, лишь бы и онъ, со своей стороны, призналъ ихъ и ихъ „работы“. Такимъ образомъ современному Поприщину незачѣмъ сходить съ ума. Для поддержанія въ немъ иллюзіи въ современности есть все что нужно. Онъ, этотъ современный Поприщину, будетъ имѣть Поприщинныхъ друзей, и Поприщинныхъ враговъ, которые подвергнутъ сомнѣнію его геніальность — и это даже пріятнѣе. Какіе же и „гений“ безъ враговъ и завистниковъ? И онъ будетъ удовлетворенъ — до конца жизни будетъ убежденъ то что онъ Будда или Шекспиръ. Вотъ настоящая тема подобнаго разказа, какой задумалъ написать г. Чеховъ. Но чтобы обнаружить до несомнѣнной ясности, выставить на всеобщія очи это явленіе, которое въ жизни очевидно для всѣхъ патетическихъ очи чтобы видѣть и уши чтобы слышать — чтобы обнаружить это явленіе, чтобы запечатлѣть его въ вѣчномъ изображеніи, нужна и Гоголевская геніальность...

Ю. НИКОЛАЕВЪ.

⟨Ю.Н. Говоруха - Отрок⟩